

В форуме «Устные материалы в архивах: проблемы отбора, хранения и доступа» приняли участие:

Светлана Борисовна Адоньева (Санкт-Петербургский государственный университет)

Светлана Николаевна Амосова (Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва / Тартуский университет, Эстония)

Влада Вячеславовна Баранова (Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» / Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

Владимир Павлович Богданов (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Джеффри Вейдлингер (Jeffrey Veidlinger) (Университет Индианы, Блумингтон, США)

Андрей Николаевич Власов (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург)

Татьяна Васильевна Володина (Институт искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси, Минск)

Татьяна Григорьевна Иванова (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург)

Александра Борисовна Ипполитова (Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва)

Татьяна Степановна Канева (Сыктывкарский государственный университет)

Валерия Борисовна Колосова (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

Наталья Геннадьевна Комелина (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург)

Наталья Кононенко (Natalie Konopenko) (Университет Альберты, Эдмонтон, Канада)

Юлия Андреевна Крашенинникова (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар)

Юрий Иванович Марченко (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург)

Ирина Юрьевна Назарова (Академическая гимназия Санкт-Петербургского государственного университета)

Елена Всеволодовна Перехвальская (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

Дэвид Рансел (David L. Ransel) (Университет Индианы, Блумингтон, США)

Ирена Саленице (Даугавпилсский университет, Латвия)

Зане Стапкевича (Даугавпилсский университет, Латвия)

Евгений Валериевич Сафонов (Ульяновский государственный педагогический университет)

Наталья Анатольевна Тучкова (Томский государственный педагогический университет)

Устные материалы в архивах: проблемы отбора, хранения и доступа

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Когда речь заходит об архивах, имеются в виду прежде всего архивы письменных документов, в частности документов ведомств и учреждений. Например, официальная история Государственного архива Российской Федерации датируется с основания Государственного архива РСФСР в 1920 г. По словам С.В. Мироненко и О.Н. Копыловой, «в нем стали собираться и храниться наиболее ценные документы предшествующих эпох. Но самое главное — он начал целенаправленно комплектоваться документами высших и центральных учреждений Советской России»¹.

В некоторых архивах (например, фольклорно-этнографических), напротив, хранятся преимущественно не «документы» в этом смысле, а записи устной речи (в том числе фольклорные тексты, интервью, ответы на запросы, полевые дневники). В них фиксируется прежде всего не жизнь «в верхах» и политика высших инстанций, а так называемая «повседневная жизнь», в том числе жизнь «социальных низов». Более того, эти материалы — в отличие от официальных документов — не были составлены «для общественного пользования». Это создает некоторые специфические вопросы и проблемы, которые хотелось бы здесь обсудить.

---

¹ История Государственного архива Российской Федерации: Документы. Статьи. Воспоминания / Отв. ред. С.В. Мироненко; отв. сост. О.Н. Копылова; сост. Б.Ф. Додонов, Н.С. Зелов и др. М.: РОССПЭН, 2010. С. 7. <http://www.statearchive.ru/assets/files/garf_history.pdf>.

- 1** *Какие типы документов вам приходилось встречать в архивах устных материалов? Каковы, по вашему мнению, существующие критерии отбора материалов для этих архивов и насколько они адекватны современным задачам наших дисциплин (фольклористики, этнографии, социальной истории и истории культуры)?*
- 2** *Существуют разные типы архивов устных материалов: архивы организаций (например, научных институтов и университетов), архивы конкретных исследовательских коллективов или проектов, индивидуальные архивы. Как должно быть организовано пользование этими архивами разных типов с точки зрения так называемых прав интеллектуальной собственности?*
- 3** *В архивах устных материалов могут возникать и проблемы, связанные с правами информантов. Считаете ли вы, что доступ к устным материалам может быть открытым, или должны существовать ограничения? Если должны, то какие и кто должен это определять?*
- 4** *Приходилось ли вам сталкиваться с тем, что те или иные материалы не попадают в архив или изымаются из него по этическим или иным соображениям? Как вы к этому относитесь? Существуют ли материалы, которые нуждаются в особом режиме хранения, и если да, то каким он должен быть?*
- 5** *Существуют ли какие-то особые проблемы описания и систематизации устных материалов в архивах? Как могут использоваться новые возможности, предоставляемые цифровыми технологиями, в известных вам архивах? Что могут дать таким архивам нелинейная организация материала, мультимедийность, электронные публикации, дистанционный доступ и т.п.?*

различные материалы и предоставляя их исследователям, рассчитывает на то, что они будут добросовестны и корректны. Моральную ответственность за разглашение не подлежащего огласке несут те, кто это сделал.

Желательно, чтобы исследователи не руководствовались лишь формальными критериями при публикации той или иной информации, несущей потенциальную угрозу для информанта, а судили по существу и старались защитить рассказчиков, даже если они сами не позаботились об этом. Например, следующее запальчивое высказывание можно оценить в диапазоне от бездумной болтовни до подстрекательства к насильственным действиям. Поэтому правильнее, как нам кажется, рядом со столь спорным текстом не помещать имя повествователя, а ограничиться лишь указанием номера данного интервью в коллекции:

Это вот правительство... их вешать надо, стрелять гадов этих. Да, да. Они себе набирают [добро], а людей мучают и не знают, что делают. Крутят-вертят [DU MV 924].

5

Описание и систематизация устных материалов в ЦУИ ДУ осуществляются в определенном порядке (см. ответ на первый вопрос), каждая единица хранения обязательно включает в себя аудиозапись жизненной истории, договор о праве использования информации, описание информанта и описание интервью. На основании данных, содержащихся в описаниях, заполняются графы электронного каталога коллекции. Каталог как совокупность данных об информантах и их интервью, по сути, является основой базы данных, создание которой — в ближайших планах ЦУИ ДУ. Это позволит усовершенствовать обработку данных (фильтрация, отбор, анализ, систематизация). Однако обеспечение открытого доступа к этой базе данных не планируется (см. ответ на третий вопрос).

ЕВГЕНИЙ САФРОНОВ

5

На мой взгляд, основная проблема «описания и систематизации устных материалов в архивах» заключается именно в их *устности* (точнее — в том, что данные материалы представляют собой результат записи информанта собирателем). В этом специфика тех «текстов» (видео- и аудиозаписей, а также их расшифровок), которые мы затем в той или иной форме пытаемся описать и интерпретировать. Все остальные вопросы

«описания и систематизации», в общем-то, мало чем отличаются от проблем архивной систематизации вообще.

Вряд ли стоит напоминать о том, что, к примеру, рассказанная информантом быличка и полученный в результате диктофонной фиксации и расшифровки «текст» — вовсе не одно и то же. Особенно наглядно это отличие проявляется тогда, когда исследователь цитирует вырванный из общего ситуационного и коммуникативного контекста фрагмент беседы с информантом (так называемый «фольклорный текст») для подтверждения или иллюстрации своей очередной идеи. Возникает закономерный вопрос. В чем отличие такого использования фольклорного текста от цитирования любого другого архивного документа (допустим, текста нового законопроекта или черновика писателя)? В том лишь, что иногда в такой цитате содержатся диалектизмы, приметы «мифологического сознания», а в следующем за ней абзаце приведены варианты, записанные в каком-нибудь другом регионе?

Вполне закономерны в этом отношении и размышления о необходимости «гипертекстового» («объемного») подхода к исследованию и хранению фольклорного материала. Однако, по моему убеждению, понимание нелинейности фольклора не должно происходить постфактум — тогда, когда полевая запись уже произведена и дело осталось за малым: расшифровать и заархивировать (т.е. по большому счету указать номер кассеты, паспорт и еще несколько малопонятных цифр, связанных с местом хранения).

Само употребление терминов «гипертекстовый» и «нелинейный» по отношению к фольклорным материалам на каком-то почти ассоциативном уровне влечет за собой и размышления об интернет-технологиях и мультимедийных возможностях (я веду здесь речь именно об архивном хранении, а не об особенностях «фольклора как такового»). Проще говоря, например, видеозапись всей беседы между собирателем и информантом (без пауз) или расшифрованный текст с активными гиперссылками на соответствующие региональные сюжетные и мотивные варианты, возможно, чуть адекватнее отражают то, с чем мы «в действительности» имеем дело при работе в поле (оставляем в стороне интерпретативный характер всей нашей деятельности, — по К. Гирцу).

Естественно, нет особого смысла в том, чтобы отождествлять возможность мультимедийного сохранения и презентации записанного материала с нелинейной или гипертекстовой «природой» фольклора (как бы условно — широко или узко — все эти термины ни трактовались). Важнее, как мне кажется, несколько иное: сама методика полевой записи (и, соответственно

но, сама полевая работа) должны быть скорректированы таким образом, чтобы уже на стадии предэкспедиционной и экспедиционной работы учитывалась *конкретная форма* будущих хранения / презентации записанного материала.

Вряд ли ошибочным будет и предположение о том, что универсального способа систематизации и архивации «устных материалов» просто не существует: многое здесь зависит как от задач конкретного исследователя (собирателя, организатора архива и т.п.), так и от его понимания того (или подхода к тому), с чем собственно он имеет дело, — вплоть до понимания пресловутой «природы фольклора».

Естественно, я говорю здесь не о каких-то универсальных принципах записи и хранения (к примеру, об обязательной паспортизации или локальной приуроченности записанного материала). Речь идет только о том, что наши полевые записи и, соответственно, их архивная систематизация напрямую зависят от конкретных исследовательских целей, нашей «полевой методики», т.е. от того, как мы «собираем фольклор» и как именно мы сами для себя установили границы понимания этого термина. Условно говоря, в какой именно момент мы решаемся нажать «паузу» и что именно потом будет отнесено к «устным материалам», которые и войдут в архив.

Еще один пример: если я как исследователь убежден в том, что при записи и систематизации фольклорных текстов необходимо учитывать феномен индивидуальной вариативности, это означает, что я нередко произвожу повторные записи одного и того же текста от одного и того же информанта. Соответственно, мой архив, в котором целый ряд текстов представлен в «гипертекстовой форме» (с учетом серии индивидуальных вариантов), будет отличаться — и композиционно, и содержательно — от аналогичных архивов других исследователей.

Таким образом, вопросы описания и архивной систематизации очень тесно взаимосвязаны с проблемами полевой работы и теоретического осмыслиения записанных материалов.

НАТАЛЬЯ ТУЧКОВА

1

Наибольший мой опыт работы с архивным собранием составляет работа с архивом полевых записей томского лингвиста Ангелины Ивановны Кузьминой по селькупскому языку. Однако я работала не в архиве, а в Институте финноугроведения Гамбургского университета. Эти документы там